

Лютер М. О светской власти

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

В какой мере ей следует повиноваться

Пресветлейшему, благородному князю и властителю, господину Иоганну, герцогу Саксонскому, ландграфу Тюрингскому и маркграфу Мейсенскому, моему милостивому покровителю 1.

Милость и мир во Христе! Снова побуждают меня, пресветлейший, благородный князь, милостивый господин, бедственное положение 2, просьбы многих людей и прежде всего неоднократные пожелания Вашей Княжеской Милости, написать о светской власти и ее мече, как их нужно по-христиански применять и насколько им следует повиноваться. Ибо озадачивает Вас изречение Христа (Мф. 5): «Не противься злему, но уступай своему противнику, и кто возьмет у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» 3. И Рим. 12: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». На эти изречения в старые времена ссылался правитель Волузиан 4, упрекая блаженного Августина 5 и порицая христианское учение за то, что оно позволяет злему творить злое и его нельзя совместить с [представлениями] о светском мече.

Софисты 6 также не могли согласовать эти два изречения, хотя немало спорили о них в высших школах. И вот, чтобы не представлять правителей язычниками, они стали учить, что Христос не заповедал этого, а лишь советовал совершенным. Так Христа сделали лжецом. Он должен был оказаться неправым, чтобы были возвеличены правители. Они могли возвысить правителей не иначе, как низвергнув Христа, слепые, жалкие софисты. И вот их ядовитое измышление распространилось по всему свету, так что каждый считает такое учение Христа советом совершеннейшим, а не обязательной заповедью для всех христиан. В конце концов они не только позволили совершенному сословию епископов и совершеннейшему сословию пап вмешиваться в дела несовершенного сословия меча и светской власти, но и предписали им, как никому на свете, [право заниматься] этим. Дьявол настолько овладел софистами и высшими школами, что они сами не ведают, что и как они говорят или учат.

Я же надеюсь преподать такой урок правителям и светской власти, что они смогут остаться христианами, а Христос — Владыкой, и, однако, заповеди Христа ради них нельзя будет превратить в совет. Это я хочу сделать ради преданной службы Вашей Княжеской Милости, ради пользы каждого, кто нуждается в этом, ради восхваления нашего Повелителя Христа. С сим, да снизойдет на Вашу Княжескую Милость и весь Ваш род Божье благословение и да будет оно к Вам милосердно. Аминь.

В Виттенберге, в наступившем 1523 году.

Преданный Вашей Княжеской Милости Мартин Лютер.

* * *

Недавно я написал книжечку, обращенную к немецкому дворянству 7, и указал, в чем должны заключаться христианская служба и дело; но как оно поступило после этого — известно всем 8. Поэтому я должен перестроиться и написать, от чего ему следует отказаться и чего — избегать. Предполагаю, однако, что дворяне будут руководствоваться тем же, чем руководствовались раньше, чтобы остаться правителями и никогда не стать христианами. Ибо Всемогущий Бог сделал наших князей безумными и они считают возможным поступать и распоряжаться своими подданными, как им заблагорассудится; (и подданные также заблуждаются, веря, что они обязаны всему тому повиноваться); целиком и полностью, так что князья начали приказывать людям отказаться от [чтения некоторых] книг, верить и жить по указке 9. Князья скоро дерзнут сесть на Престол Господень, распоряжаться совестью и верой, поучать безумным умишком своим Святого Духа. Тем не менее, они требуют, чтобы им не смели говорить об этом, и к тому же хотят называться милостивыми дворянами.

Они пишут и издают книжонки о том, будто бы император приказал им это 10, и делают вид, что они послушные христианские князья, вроде бы никто не видит грязи за их ушами. Но мы замечали не раз: как только император отнимал у них какой-нибудь замок или

город или приказывал что-то, несовместимое с правом, они мгновенно находили доводы в пользу того, что надо отказаться от послушания коронованной особе и восстать против нее. Теперь же, когда речь идет о бессовестном насилии над бедным людом, об издевательствах над словом Божьим, они высказывают особое послушание императорскому повелению. Таких людей называли раньше негодяями; теперь обязаны называть их христианскими послушными князьями. Однако мы не можем никого привлечь к ответу, хотя необходимость этого возникает часто. Ведь по отношению к ним это невозможно, так как император или кто-нибудь другой с ними заодно. И сейчас есть князья, которые по повелению императора управляют в немецких землях 11. Потому-то все и происходит во всех землях так славно, как мы это видим.

Но поскольку бесчинства таких дурней ведут к истреблению христианской веры, к извращению Божьего слова и к кощунству над Божьим Величием, то я не хочу и не могу больше [спокойно] взирать на моих немилостивых государей и разгневанных дворян. Я обязан воспротивиться им по меньшей мере словом. Я не испугался их идола, папы, который грозил забрать у меня душу и Небо, должен я также позволить себе показать, что не испугаюсь пинков и блеска оружия тех, которые грозят забрать у меня тело и землю. Божья воля на то, что они будут гневаться до конца света, и [Бог] поможет нам не умереть от их угроз. Аминь.

* * *

Во-первых, мы должны всесторонне обосновать необходимость светского права и меча, чтобы никто не сомневался в том, что они применяются в мире по Божьей воле и предписанию. Это прежде всего подтверждают следующие изречения. Рим. 12: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» 12. Также 1 Пет. 2: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро».

К тому же это право меча было установлено в мире изначально. Ведь когда Каин убил своего брата Авеля и очень боялся, что его за [содеянное преступление] лишат жизни, то Бог наложил на это особый запрет и поднял ради него меч, и никто не мог убить его. Каин не боялся бы так, если бы не слышал от Адама, что убийца должен быть убит 13. Это же Бог веско подтвердил, сказав после всемирного потопа (Быт. 9): «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». Приведенное изречение не следует понимать в том смысле, что Бог будет мучить и наказывать убийц. Ведь многие убийцы благодаря покаянию или стечению обстоятельств продолжали жить и умирали не от меча. Изречение касается права меча, того, что убийца должен быть наказан смертью и его по закону следует умертвить мечом. Если же закону препятствуют или меч запаздывает и убийца умирает естественной смертью, то это все равно не противоречит словам Писания: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». Ведь это вина или удел человека, что такое право, предписанное Богом, не выполняется; подобно тому, как нарушаются другие заповеди Божьи.

К тому же это установлено и в законе Моисея (Исх. 21): «А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть». И то же самое вновь: «Тело за тело, глаз за глаз, зуб за зуб, ногу за ногу, руку за руку, рану за рану, ушиб за ушиб» 14. Христос также подтвердил это, сказав Петру в саду: «Кто возьмет меч, тот от меча и погибнет» 15. Это нужно понимать так же, как изречение из Быт. 9: «Кто прольет кровь человеческую...» и т. д. Несомненно, что Христос истолковывает своими словами то же самое, и использует это изречение, и хочет его утвердить [в сознании людей]. Тому же учил и Иоанн Креститель. Когда воины спросили у него, что им делать, он ответил: «Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем» 16. Если бы меч не был Божественным установлением, то Бог устранил бы его [из мира]. Но поскольку Он должен

научить народ жить по-христиански и сделать его совершенным, постольку вполне ясно, какова Божья воля: светский меч и право вложены в руки для наказания злых и защиты благочестивых.

Во-вторых. Вопреки упомянутому выше веско звучит то, что заявил Христос (Мф. 5): «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит идти с ним одно поприще, иди с ним два». А также Павел (Рим. 12): «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». Об этом же говорится в Мф. 5: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас». И в 1 Пет. 3: «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство...» и т. д.¹⁷ Эти и похожие на них изречения звучат так, будто бы у христиан по Новому Завету не должно быть никакого светского меча.

К тому же софисты также разглагольствуют о том, что Христос отменил закон Моисея, и сделал из подобных заповедей советы для избранных, и разделил христианское учение и состояние на две части: одну они назвали совершенной, ей предназначили такие советы; другую — несовершенной, ей предназначили заповеди. И сделали они это нагло, своевольно, безо всяких свидетельств Писания, не заметив того, что Христос в том же самом месте четко излагает Свое учение и не хочет изъять из него даже [буквы], и проклинает, и ввергает в ад тех, кто не любит своих врагов. Вот почему мы должны говорить об этом по-иному: слова Христа предназначены всем — совершенным и несовершенным. Ведь совершенство или несовершенство не заключаются в делах, не создают также никакого особого мирского сословия среди христиан, а обнаруживаются в сердце, в вере и любви. Кто больше верит и любит, тот и совершенен, невзирая на то, какое место он занимает в мире: мужчина он или женщина, князь или крестьянин, монах или мирянин. Ведь любовь и вера не создают никаких внешних сект и различий.

В-третьих. Мы должны подразделять детей Адамовых и всех людей на две части: одних причислять к Божьему Царству, других — к светскому царству. Принадлежащие к Божьему Царству — это все истинно уверовавшие в Христа и принадлежащие Христу. Ведь Христос — Царь и Господин в Царстве Божьем, как говорится во втором Псалме и во всем Писании; и Он пришел для того, чтобы благовествовать на земле Царство Божие. Поэтому заявлял Он Пилату: «Царство Мое не от мира сего, но кто живет по правде, тот слышит Мой голос и ищет всегда в Евангелии Царство Божье» 18. И провозглашал: «Совершенствуйтесь, ибо приблизилось Царство Божие» 19. И продолжал: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его 20. И называйте также Евангелие Евангелием Царства Божьего, потому что оно учит Царство Божие, управляет им и сохраняет Его».

Итак, смотри, эти люди не нуждаются ни в светском мече, ни в законе. И если бы весь мир состоял из подлинных христиан, т. е. из истинно верующих, то не было бы необходимости или пользы ни в князьях, ни в королях, ни в господах, ни в мече, ни в законе. И для чего все это им? Ведь у них пребывал бы в сердце Святой Дух, который учил и наставлял бы их никому не причинять несправедливости, любить всякого, с готовностью претерпевать от каждого беззаконие и саму смерть. Там, где проигрывает несправедливость и где поступают по справедливости, не нужно ссор, вражды, суда, судей, наказания, права или меча. Поэтому невозможно, чтобы в среде христиан применялись светский меч и право, так как они делают сами гораздо больше того, что могут от них потребовать все права и учения. Как говорит Апостол Павел (1 Тим. 1): «Закон положен не для праведника, но для беззаконных».

Почему же? Потому что праведник по своей воле делает все и больше, чем требуют все установления. А неправедные не делают даже того, что предписывает право. Поэтому им нужно право, которое бы учило, заставляло и принуждало их делать добро. Первосортное дерево не нуждается ни в учении, ни в праве для того, чтобы приносить хорошие плоды. Его природа дает то, что оно безо всяких прав и учений приносит богатый урожай. И мне

представляется глупым тот человек, который напишет для яблони книжку, напичканную законами и правами, по которым она должна порождать яблоки, а не колючки. Дерево делает это лучше по своей собственной природе, чем по предписаниям и наставлениям многих книг. Итак, все христиане через дух и веру имеют одинаковую природу; они излучают добро и справедливость в большей степени, чем их можно научить всеми законами, и для самих себя не испытывают надобности ни в каких законах и правах.

Однако ты спросишь: почему же тогда Бог дал всем людям так много законов и Христос также много учил в Евангелии делу? Об этом я уже много писал в сборнике проповедей и в других сочинениях 21. Здесь я скажу об этом немного. Павел говорит (1 Тим. 1), что закон введен из-за неправедных, т. е. для того, чтобы те, которые не относятся к христианам, посредством закона внешне отвращались от злых дел. Об этом мы еще услышим. Ни один человек не бывает от природы христианином или благочестивым. Напротив, все грешники и злые. Бог посредством закона ставит всем им преграды, так что они не решаются внешне проявлять свою злость в делах и действовать по своему произволу. К тому же дал св. Павел закону еще и власть (Рим. 7) и (Гал. 2), чтобы она учила узнавать грех, направляла человека к милосердию и христианской вере. Так же поступал Христос (Мф. 5), поучая не противиться злему. Тем самым Он объяснял закон и наставлял, как может и как должен поступать истинный христианин, о чем мы услышим дальше.

В-четвертых. К светскому царству, или к числу подчиненных закону, принадлежат все те, которые не являются христианами. Поскольку немногие веруют и меньшая часть [людей] ведет себя по-христиански, немногие противостоят злу, немногие сами не творят зла, Бог учредил кроме христианского состояния и Царства Божия другой порядок и подчинил людей мечу, чтобы они хотели и все же не могли учинять зла, делали все то, что они могли бы свершать без страха, с миром и любовью. Подобно этому дикий, злобный зверь связывается цепями и путами, чтобы он не мог кусаться и царапаться, когда захочет, как требует этого его природа; ведь нежное, кроткое животное не нуждается в этом и без цепей и пут не представляет ни для кого опасности.

Поскольку весь мир зол, и среди тысячи едва ли найдешь одного истинного христианина, то люди пожирали бы друг друга, и некому было бы защитить женщин и детей, накормить их и поставить на службу Богу, и мир опустел бы. Вот почему Бог учредил два правления: духовное, которое образуют христиане и благочестивые люди при помощи Святого Духа, во главе с Христом, и светское, сдерживающее нехристиан и злых, заставляющее их, хотя бы против воли, сохранять внешний мир и спокойствие. Объясняя необходимость светского меча, Апостол Павел в Послании к Римлянам, 13, говорит: «Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых». И Петр заявляет: «Они [власти] даны для наказания преступников» 22.

И вот, если бы кто-нибудь захотел править миром по-евангельски, упразднить всякое светское право и светский меч под предлогом, что все де крещеные, все христиане, среди которых Евангелие не предписывает иметь ни права, ни меча, и они вообще не нужны; любезный, угадай, что бы он натворил? Он снял бы путы и цепи с диких, злых зверей, так что они растерзали и перегрызли бы всех, в то же время он уверял бы, будто это — его ручные, безобидные зверюшки; но я почувствовал бы [истину] по ранам своим. Подобно этому стали бы злые под именем христиан пренебрегать евангельской свободой, творить свои бесчинства и утверждать, что они христиане и не подчинены ни мечу, ни закону; ведь уже сейчас некоторые неистовствуют и творят глупости.

Таким [людям] нужно сказать: конечно, правда, что христиане ради самих себя не подчинены ни праву, ни мечу и не нуждаются в них; но прежде постарайся, чтобы весь мир наполнился христианами, а потом уже управляй по-христиански, по-евангельски. Но этого ты никогда не сможешь сделать. Ведь мир и большинство людей — нехристиане и таковыми останутся, хотя все одинаково крещены и называются христианами. Настоящие же христиане живут друг от друга, как говорится, не рукой подать. Поэтому невозможно, чтобы христианский порядок распространялся на весь мир, или на целую страну, или на большую

группу людей. Ведь злых всегда гораздо больше, чем благочестивых. И заставить целую страну или мир управляться при помощи Евангелия — равносильно тому, как если бы пастух собрал вместе в одном хлеве волков, львов, орлов и овец и позволил каждому свободно ходить среди других и сказал бы: паситесь здесь и будьте благочестивы и миролюбивы, хлев открыт, пастбища всем достаточно, собаки и дубинки пусть вас не пугают. После этого овцы стали бы сохранять мир, мирно паслись бы и управлялись; но они не смогли бы жить долго так, ибо ни одной из них не осталось бы в живых.

Потому-то эти два правления должны усердно разделяться, и оба должны оставаться: одно, которое делает благочестивым; другое, которое создает внешний мир и защищает от злых дел. Ни одного из них недостаточно в мире без другого. Без духовного Правления Христова никто не может стать благочестивым перед Богом. Но Правление Христа простирается не над всеми людьми, ибо во все времена христиан — меньшинство, и они живут среди нехристиан. Там же, где действует только светское правление или закон, царит лишь лицемерие, точно так обстояло бы дело, если бы применялись лишь заповеди Божьи. Ведь без Святого Духа в сердце никто не может быть истинно благочестивым, каждый совершает такие дела, какие может. А где над страной и людьми осуществляется только духовное правление, узда ослабевает и открывается простор для всяческих злодейств. Ведь мир земной не может ни принять, ни понять [духовного правления].

Итак, видишь ты, как следует рассматривать упоминавшиеся нами раньше слова Христа из Мф. 5 о том, что христиане не должны ни судиться, ни управляться светским мечом. Прямо Он говорил это только Своим любимым христианам. И лишь они восприняли эти слова и поступают в соответствии с ними, не превращают их в «советы», как софисты, а побуждаются сердцем через Дух не делать никому зла и смиренно претерпевать зло от каждого. Если бы мир населяли лишь христиане, то были бы восприняты эти слова и все поступали бы в соответствии с ними. Но поскольку [в мире живут] нехристиане, то и слова не воспринимаются, и соответствующих дел за ними не следует; а [люди] подчиняются другому правлению, которое силой принуждает их к миру и благодравию.

А Христос не применял никакого меча и не учреждал его в Своем Царстве. Ведь Он — Царь над христианами и правит без закона единственно посредством Своего Святого Духа. Более того, признав [необходимость] меча [в светском царстве], Он его там не применял. Мечу нет места в Его Царстве, к которому принадлежат благочестивые. И в старину Давиду, пролившему много крови и применявшему меч, не позволено было строить храм. [Не позволено] не потому, что это его [деяние] могло привести к беззаконию, а потому, что он не мог стать ставленником Христа, у Которого должно быть мирное Царство, без меча 23.

Это надлежало свершить Соломону, которого немцы называют «Миротворцем» или «Миролюбивым». Его царство жило в мире. Поэтому справедливый миролюбец Соломон мог бы олицетворять справедливое, миролюбивое Царство Христово. Далее, в храме при строительстве его не было слышно звона железа, — говорится в тексте 24, все потому, что Христос без принуждения, без закона и меча должен был послать избавление народу.

Такие же мысли развивали и пророки (Пс. 110): «Избавление послал Он народу Своему». И Исая, 11: «Не будет делать зла и вреда на всей святой горе Моей»; и Исая, 2: «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» и т. д. Однако кто захотел бы распространить эти и подобные им изречения слишком далеко, используя имя Христа, тот совсем извратил бы Писание; ведь эти слова сказаны только об истинных христианах, которые поступают так по отношению друг к другу.

В-пятых. Но скажешь ты: раз христиане не нуждаются ни в светском мече, ни в законе, то зачем же говорит Апостол Павел, обращаясь ко всем христианам (Рим. 13): «Всякая душа да будет покорна высшим властям»? И святой Петр: «Будьте покорны всякому человеческому начальству» 25 и т. д., как уже было отмечено? Ответ: я говорил, что христиане между собой, и в себе, и для себя не нуждаются ни в праве, ни в мече, потому что они им не нужны и не представляют для них никакой ценности. Но поскольку истинный

христианин живет в этом мире не для самого себя, а для своего ближнего, которому служит, то свершает он по наитию своего духа и то, в чем не нуждается, а что полезно и необходимо его ближнему. И вот, раз меч полезен и необходим для охраны мира, наказания греха и защиты от злых, то христианин охотно подчиняется правлению меча: платит подати, почитает начальство, служит, помогает, делает все, что идет на пользу светской власти, дабы ее не забывали, чтили и боялись. [Так поступает христианин], хотя ему самому все это совсем не нужно. Ведь он видит то, что идет другим на пользу и благо, как учит Павел в Рим. 13.

Точно так же он свершает все другие дела любви, в которых сам не нуждается. (Он навещает больных не потому, что сам от этого станет здоровым; он кормит [нуждающегося] не потому, что сам хочет есть), и власти он служит не потому, что она нужна ему. Она нужна другим, чтобы защитить их и преградить дорогу злу. Такая служба не вредит христианину ничем и не сбивает его с правильного пути, а миру приносит большую пользу. Там же, где христианин не делает этого, поступает он не по-христиански, вопреки [заповеди] любви, являя к тому же плохой пример другим, которые точно так же не захотят признавать никаких властей, словно нехристи. В результате этого могут пойти пересуды, будто бы Евангелие учит мятежу и воспитывает своенравных людей, которые не хотят приносить пользу и служить кому бы то ни было; между тем как на самом деле оно побуждает христианина быть рабом каждого. Христос, как говорится в Мф. 17, дал пошлину, в которой не нуждался, и это не возмутило Его.

Ты видишь также из слов Христа (Мф. 5), что Он часто учил христиан не вводить для самих себя ни меча, ни права; однако Он не запрещал, чтобы они служили и покорялись тем, которые распоряжаются светским мечом и правом. Более того, если ты не нуждаешься в [законе и праве], то должен служить тем, которые не вознеслись так высоко, как ты, и еще испытывают необходимость в этом. Если тебе не нужно, чтобы наказывали твоего недруга, то в этом нуждается твой немощный ближний, которому ты обязан помочь, чтобы он жил в мире и не стал жертвой своего врага. А ничего подобного не может произойти, если управление и власть не будут блюстись в почете и страхе. Христос не говорил: «Ты не должен ни служить власти, ни покоряться ей». [Он наставлял]: «Не противься злumu!»²⁶ Сказанное Им следует понимать так: «Поступай таким образом, чтобы претерпевать все, чтобы не ты нуждался во власти, которая бы помогала и служила, была полезной и нужной тебе, но, наоборот, чтобы ты помогал, служил, был полезным и необходимым ей. Я хочу, чтобы ты был лучше и благороднее, чем это необходимо тебе самому, потому что ты нужен другим».

В-шестых, ты спрашиваешь: «Может ли христианин применять светский меч и наказывать злых? Ведь слова Христа: «Не противься злumu!» — звучат настолько недвусмысленно и ясно, что софисты вынуждены были рассматривать их как «совет».

Отвечаю: тебе следует различать две вещи. Первое, среди христиан меч ни к чему. И ты не сможешь применить его по отношению к ним и среди них, потому что они не нуждаются в нем. Следовательно, разъясняя этот вопрос, нужно обратить внимание на тех людей, которые не принадлежат к христианам. Сможешь ли ты обходиться с ними по-христиански? Это другой разговор. [В таком случае] ты обязан служить и способствовать мечу, как только можешь: телом, имуществом, честью и душой. Конечно, это дело, в котором ты не нуждаешься, но оно как нельзя больше полезно и необходимо всему миру и твоим ближним. Поэтому если ты видишь, что не хватает палачей, стражников, судей, господ или правителей, а ты сочтешь себя способным [к этому занятию], то предложи свои услуги и займись этим, чтобы не пренебрегали властями, без которых нельзя обойтись, и чтобы они не пришли в упадок или не исчезли. Ведь мир не может и не хочет обходиться без них.

Например: при случае поступаешь ты на совершенно чуждую для тебя службу, которая идет на пользу не тебе, твоему благополучию или чести, а только на пользу ближним, т. е. другим. Но ты не должен придерживаться мнения, что тебе следует мстить или воздавать злом за зло, ибо ты служишь для блага ближних, для защиты и сохранения мира среди

людей. А для себя самого у тебя есть Евангелие и ты поступаешь по предписаниям Христа: смиренно сносишь от других пощечину, вслед за рубашкой позволяешь снять с себя и верхнюю одежду, если это касается тебя и твоего дела. Итак, эти две вещи неплохо согласуются друг с другом, потому что ты одновременно делаешь достаточно и для Божьего Царства, и для светского царства, внешне и внутренне; в одно и то же время не противишься и противишься злу. Ведь в первом случае смотришь ты на себя и свое, во втором — на ближнего и его. В личных делах ты ведешь себя по-евангельски и переносишь несправедливость как истинный христианин; в остальном поступаешь ты в соответствии с принципами любви и не выносишь никакой несправедливости по отношению к своему ближнему. И Евангелие не только не запрещает этого, но, наоборот, предписывает [тебе поступать так].

Таким образом применяли меч все святые с начала мира и Адам со своими потомками. Так поступил Авраам, когда он спас Лота, сына своего брата, и разбил четырех царей (Быт. 14), оставаясь целиком и полностью евангельским человеком. Так убил Самуил, святой пророк, царя Агага (1 Цар. 15) и Илия — пророков Бааловых (3 Цар. 18). Так же поступали Моисей, Иисус Навин, Дети Израилевы, Самсон, Давид и все цари и правители, упоминаемые в Ветхом Завете. И [сыновья Иудины] Даниил, Анания, Азария, Мисаил — в Вавилоне, Иосиф — в Египте и так далее.

Если же кто-нибудь захочет возразить, что Ветхий Завет отменен и не применяется более, вследствие чего христиане не могут следовать этим примерам, то я отвечу, что это не совсем так. Ведь святой Павел (1 Кор. 10) говорит: «И все пили одно и то же духовное питье, ибо пили из духовного камня; камень же был Христос». Это значит, их вдохновляли те же самые дух и вера в Христа, какие вдохновляют нас, и они были такими же христианами, как и мы. И поступки христиан — с начала мира до конца — подобные справедливым поступкам, [описанным в Ветхом Завете], следует также рассматривать как справедливые. Ведь время и внешние различия ни в коей мере не разделяют христиан. Кроме того, неверно мнение святого Иеронима 27 и многих других, будто бы Ветхий Завет упразднен в такой степени, что его не следовало бы придерживаться, или же, что поступают неправедно те, которые придерживаются его полностью. Ведь он упразднен в том смысле, что его можно по своему усмотрению соблюдать или не соблюдать для спасения души, как это было когда-то. Потому-то Павел говорит (1 Кор. 7 и Гал. 6), что обрезание ничто и необрезание ничто, но все — в соблюдении заповедей Божьих. Это означает, что не грех — быть необрезанным, как считают евреи, не грех — и быть обрезанным, как считают язычники, и первое, и второе — разрешается и одобряется, если кто-то делает это, не думая, что он благодаря этому станет благочестивым или обретет Царствие Небесное. И так обстоит дело со всеми другими книгами Ветхого Завета; нельзя считать неправедным того, кто не считается с ними, и того, кто им следует. Все позволено и одобряется: и их соблюдение, и забвение. Вообще, все полезное или нужное ближнему для обретения Царства Небесного считается достохвальным. Ибо каждый обязан делать полезное и нужное его ближнему, не обращая внимания на то, предписывает ли это Ветхий или Новый Завет, иудейское ли это, или же языческое дело, как учит Павел (1 Кор. 9). Ведь любовь проходит через все и над всем видит только то, что полезно и необходимо другим, и не спрашивает, старо это или ново. Так же свободно тебе подобает относиться к [приведенным мною] примерам применения меча; им можно и подражать, и не подражать. Но когда ты видишь нужду своего ближнего, любовь побуждает тебя обязательно сделать то, что ты мог бы для самого себя либо делать, либо не делать. Однако не надейся посредством своих [добрых] дел обрести благочестие или Царство Небесное, на что рассчитывали евреи. Ведь это достигается верой, которая без дел превращает тебя в новое творение. И то, что мы [можем] доказать это посредством Нового Завета, непоколебимо подтверждает (Лк. 3) Иоанн Креститель, который был призван убедительно благовествовать, свидетельствовать и учить о Христе. То есть его учение должно было стать новозаветным и евангельским, точно так же, как Христу суждено было привести народ к оправданию и совершенству. [Иоанн Креститель] также утвердил службу

воинов и сказал, что они должны довольствоваться своим жалованьем 28. Если бы применение меча было несовместимо с христианством, то ему следовало бы осудить и отвергнуть и жалованье, и меч, в противном случае он не проповедовал истинного христианства. Также святой Петр, рассказывая Корнилию о Христе (Деян. 10), не призывал [своего слушателя] оставить службу, что он, однако, должен был бы сделать, если бы это препятствовало Корнилию принять христианство. К тому же, прежде чем он был крещен, сошел на него Дух Святой; также восхвалял его святой Лука перед сообщением о проповеди святого Петра как благочестивого человека и не порицал за то, что он был воином и сотником языческого царя. Итак, Корнилия никто не осуждал, и Дух Святой остался на нем. И это должно быть для нас примером: чтобы и мы не осуждали и сохраняли [службу меча].

Таков же пример эфиопского вельможи, евнуха (Деян. 8), которого Филипп Евангелист обратил [в христианскую веру] и крестил, которому позволил оставаться на прежней службе и возвратиться домой. А ведь он не мог бы занимать столь значительную должность при царице эфиопской без [применения] меча. Таким же был проконсул Кипра Сергей Павел (Деян. 13), которого святой Павел обратил в [христианство] и, несмотря на это, оставил наместником над язычниками. Кроме того, так же поступали многие святые мученики, которые покорялись императорам-язычникам, вмешивались в раздоры между ними и, вполне вероятно, ради сохранения мира даже душили людей. Такое пишут о святых Морице 29, Ахатии 30, Гереоне 31 — и о многих других, живших при императоре Юлиане 32.

Об этом же свидетельствует ясный, недвусмысленный текст святого Павла (Рим. 13), в котором говорится: «Власти от Бога установлены». И там же: «Начальник не напрасно носит меч; он Божий слуга, тебе на добро, отмститель в наказание делающему злое»³³. Любезный, ты поступил бы самонадеянно, если бы осмелился заявить: «Христианин не может распоряжаться тем, что является делом, порядком и творением Господа». В таком случае ты должен был бы также признать, что христианин не должен ни есть, ни пить, ни вступать в брак, потому что это также дело Бога и Его порядок. Однако любое Божье дело и творение превосходно: каждый может пользоваться им по-христиански, как свидетельствует Павел (1 Тим. 4): «Всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно для верующих и тех, которые познали правду»³⁴. А под «всяким» творением Божьим должен ты понимать не только еду и питье, одежду и обувь, но власть и подчинение, защиту и наказание.

И общий итог таков: когда святой Павел говорит, что начальник — Божий слуга³⁵, то это должно касаться не только одних язычников, а войти в обиход всех людей. Но что значит: начальник — Божий слуга; и тем более: власть — средство для того, чтобы служить Богу? Не подобает христианам говорить, что может быть какая-то Божья служба, которую христианин не обязан и не должен исполнять. Ведь Божья служба никому так не подходит, как христианам. И также было бы неплохо, да и необходимо, чтобы все князья относились к истинным, хорошим христианам. Мечу и власти, как особой Божьей службой, подобает прежде всех других на земле присоединиться к христианам. Поэтому должен ты ценить меч и власть точно так же, как брак, или земледелие, или ремесло, которые тоже заповеданы Богом. Таким образом, как человек может и должен служить Богу в брачном состоянии, в земледелии или ремесле — другому на пользу, если в этом есть необходимость для его ближнего, — так же может и должен он при исполнении [обязанностей! начальника служить Богу, если это нужно ближнему. Ведь [власти] — Божьи слуги и ремесленники, которые наказывают зло и защищают добро. Но это также следует сделать свободным, исключая случаи особой необходимости, подобно тому, как можно свободно, за исключением отдельных случаев, вступать в брак или заниматься земледелием.

Однако спрашиваешь ты: почему же тогда не руководствовались этим Христос и Апостолы? Отвечу: скажи мне, почему [Христос] также не взял жену, не стал сапожником или портным? Должны ли отдельные занятия или службы считаться недостойными на том основании, что Христос, посвятивший Себя исключительно проповедническому служению, не занимался тем, чем охотно занимались все сословия и должностные лица? Христос возглавил Свою службу и Свое сословие, но этим Он не отвергал никакого другого сословия.

Ему не надо было применять меч, потому что Он должен был возглавить только ту службу, которой управлялось Его Царство и которая служила лишь Его Царству. Не нужно было Его Царству, чтобы Он был женатым, сапожником, портным, земледельцем, князем, палачом или стражником, не нужно было там меча или светского права, но только Слово Божие и Дух. Поэтому Его сторонники будут управляться внутренне. И службу, которой Он занимался еще в то время и будет всегда заниматься, создают постоянно Дух и Слово Божие. А в служении должны были следовать Ему Апостолы и все духовные правители, создавшие многое духовным мечом — Словом Божиим. И поскольку они отменно исполняли свою службу, то могли не применять светский меч и оставить его другим, которые не проповедовали, так как их сословию не запрещалось им пользоваться. Как говорится, каждый должен заниматься своим делом.

Однако уже довольно о том, почему Христос и не применял меча, и не учил, как его применять; Он его не запрещал и не отменял, а утвердил. Точно так же довольно о том, почему Он не отменял, а утвердил брачное состояние, хотя не взял себе жены и не поучал [следовать] этому. Ведь Он должен был постоянно проявлять Себя в таком занятии и деле, которые подходили только для Его Царства, чтобы не создавать повода и образца для поучений и веры в то, что Божие Царство не может существовать без брака и меча и внешних вещей такого же рода. Ведь пример Христа постоянно требует подражания. [В действительности же] Божье Царство существует только благодаря Божьему Слову и Духу, что, собственно, составляет и должно составлять службу Христа как высшего Правителя в этом Царстве. Однако же, поскольку не все христиане исполняют такую службу [хотя могли бы исполнять], то вполне справедливо, что они обычно имеют другое, внешнее [занятие], которым также можно служить Богу.

Из всего этого следует, каким должно быть истинное понимание слов Христа (Мф. 5): «Не противься злему» и т. д. А именно: христианин должен быть готовым к тому, чтобы претерпевать всякое зло и несправедливость, не мстить за самого себя и не защищать себя перед судом, чтобы вообще не нуждаться в светской власти и праве для самого себя. Для других же он может и должен искать мести, права, защиты и помощи — и делать для этого все возможное. Однако и власть также должна, независимо от него самого, независимо от других побуждений, без его собственных жалоб, поисков и начинаний, помогать ему и защищать его. Если она не делает этого, то ему не подобает мучиться и терзаться и противиться всякому злу, как свидетельствуют слова Христа.

И будь уверен, что это учение Христа — не совет для совершенных, как богохульствуют и грешат против истины наши софисты, а общая, строгая заповедь для всех христиан. Ты знаешь, как много под христианским именем язычников, которые мстят или спорят и ссорятся перед судом из-за своего имущества и чести. И, скажу тебе я, с этим ничего не поделаешь. Но не подражай толпе и общепринятому обычаю. Ведь христиан на земле мало, в этом ты не сомневайся; к тому же Божье слово — нечто иное, чем общепринятый обычай.

Ведь ты видишь, что Христос не отменяет закона, провозглашая: «Вы слышали, что сказано: око за око; а Я говорю вам: не противься злему» и т. д. Он излагает смысл закона, то, как его следует понимать. Он мог бы выразить это такими словами: «Вы, иудеи, думаете, что творите перед Богом добро и справедливость, когда вы себя держите по справедливости и отбрасываете то, что сказал Моисей: «Око за око» и т. д. Но Я говорю вам, что Моисей предписал такой закон злым, которые не принадлежат к Божьему Царству, для того, чтобы они не мстили или не чинили неприятностей друг другу, но посредством такого внешнего права принуждались оставить зло, и чтобы этим внешним правом и установлением они были подчинены властям. Вам же подобает держать себя так, чтобы не нуждаться в подобном праве и не искать его. Правда, у светской власти должен быть такой закон, сообразно с которым он судит неверующих, и последние могут использовать его, чтобы на основании его судить других, вы все же не должны ни искать его, ни использовать для вас и вашего дела, потому что у вас — Царство Небесное. Потому-то вы должны оставить земное царство тому,

кто взял его у вас».

Обрати внимание, Христос истолковывает Свои слова не в том смысле, будто бы Он отменяет закон Моисея или запрещает светскую власть. Христос показывает Своим [последователям], что они для самих себя не нуждаются в [законе], а должны оставить его неверующим, которым они все же могли бы служить с таким их законом, поскольку здесь живут нехристиане и никто не может принуждаться к христианству. Но так как слова Христа предназначены исключительно Его сторонникам, то отсюда становится ясным, почему после этого Он говорит: «Вы должны любить своих врагов и быть совершенными, как ваш Небесный Отец»³⁶. Ведь тот, кто любит своих врагов и совершенен, оставляет в стороне закон и не нуждается в нем, потому что он требует око за око. Однако [христианин] также не отвергается от нехристиан, которые не любят своих врагов и нуждаются в нем; он же помогает, чтобы такие законы наказывали злых, не позволяли им учинить худшего.

Только так, [думаю я], слово Христа объединяется с изречениями, которые обосновывают меч. И мысль в данном случае сводится к следующему: ни один христианин не должен ни брать меча для своего дела, ни взывать о необходимости его применения, но для другого может и должен он и брать его, и взывать о необходимости его применения, чтобы воспрепятствовать злу и защитить благочестие. Точно так же Господь в том же месте говорит: «Христианин не должен клясться, но его словами должны быть: „да“, „да“, „нет“, „нет“³⁷; это значит, что для себя самого и по собственной воле и желанию он не должен клясться. Но если этого требуют необходимость, польза и святость, или это нужно для возвеличения Бога, то должен он клясться. И как нужна ему ради служения другому запрещенная клятва, точно так же ради служения другому ему нужен запрещенный меч. Подобным образом часто клялись Христос и Павел, чтобы сделать Свое учение и свидетельство полезным людям и достойным веры. Как это делалось и может делаться в союзах и договорах и т. д., об этом свидетельствует Псалом 62: «Восхвален будет всякий, клянущийся Им [Богом]»³⁸.

Ты спрашиваешь еще о том, могут ли стражники, палачи, юристы, адвокаты и прочий сброд также быть христианами и обрести Царство Небесное? Ответ: если власть и меч — служба Божья, как объяснялось выше, то все это также должно быть Божьей службой, необходимой власти для того, чтобы применять меч. Они должны быть теми, кто бы разыскивал, обвинял, мучил и убивал злых, защищал, прощал добрых, отвечал за них и спасал их. Но это [справедливо] только тогда, когда они не руководствуются своекорыстными интересами, а только помогают закону и власти, посредством которых принуждают злых. [В таком случае] все это не представляет для них опасности и может использоваться, как любое другое ремесло, и они могут этим кормиться. Потому что, как говорилось, любовь ближних почитает не вас самих, смотрит также не на то, велики ли или малы дела ваши, а на то, насколько полезны и необходимы они ближним или общине.

Но ты недоумеваешь: «Как? Разве не мог бы я для меня самого и моего дела применять меч под видом того, будто бы я преследую не свои цели, а стремлюсь покарать зло?» Отвечу: такое вполне возможно, но сопряжено с затруднениями и встречается не так уж часто. Если человек богат духовно, то подобное может произойти. Так, читаем мы о Самсоне (Суд. 15), говорившем: «Как они [филистимляне] со мною поступили, так и я поступил с ними». Вопреки этому отмечается (Притч. 24): «Не говори: „Как он поступил со мною, так и я поступил с ним"». И в Главе 20: «Не говори „я отплачу за зло"». Но Самсон был призван Богом для того, чтобы покарать филистимлян и спасти детей Израилевых. Хотя он имел достаточно причин для того, чтобы действовать себе на пользу, он не делал этого, не мстил за самого себя и не искал своего, а жил для блага других и для наказания филистимлян. Правда, его примеру не должен следовать никто, кроме истинных, духовно богатых христиан. А если разум захочет сделать то же, он будет необоснованно утверждать, что не хочет искать своего; однако это ложно в самой основе, ибо такое невозможно без милосердия. Поэтому прежде стань таким, как Самсон, а потом можешь поступать так же, как Самсон.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Как далеко простирается светская власть. Перейдем к главной части этого наставления. После того, как мы показали необходимость на земле светской власти и того, как ее нужно применять по-христиански, по-евангельски, нам надлежит указать, как далеко может простираться рука ее, чтобы она не вторгалась в Царство Господне, не вмешивалась в правление Его. Знать это необходимо, ибо последует невыносимый, ужасный вред, если дать ей слишком большой простор; не без вреда будет и то, если уж чересчур ограничить ее. Здесь наказывает она слишком мало, там — слишком много. Однако более приемлемо то, когда она отчасти впадает в грех и наказывает слишком мало. Всегда лучше оставить в живых одного злодея, чем умертвить одного благочестивого человека. Ведь в мире были и останутся злодеи, благочестивых же мало.

Во-первых, заметим, что обе части адамовых детей, одна из которых — в Царстве Божьем, возглавляемом Христом, другая — в светском царстве, которым правят власти, (как отмечено выше), имеют законы двух видов. Ведь каждое царство должно иметь свои законы и права, и без закона не может возникнуть никакое царство и никакое правление, как это в достаточной мере показывает повседневный опыт. Светское правление имеет законы, которые простираются не далее тела и имущества и того, что является внешним на земле. Над душой же Бог не может и не хочет позволить властвовать никому, кроме Себя Самого. Поэтому, если светская власть осмеливается диктовать законы душам, она грубо вмешивается в Правление Господа, соблазняет и портит души. Это мы хотим сделать очевидным до такой степени, чтобы даже наши дворяне, князья и епископы убедились, как безнадежно глупо с их стороны законами и указами заставлять подданных верить так или иначе.

Если человеческий закон должен указывать душе, во что и как она должна верить, а именно эту мысль необоснованно отстаивают некоторые люди, то это, конечно, не слово Божие. Если же слова Божия здесь нет, то неизвестно, одобряет ли Господь подобное, ибо то, чего Он не заповедовал, не может быть истинным и исходящим от Него. Конечно, не подлежит сомнению, что это не угодно Богу. Ведь Он хотел основать нашу веру открыто и честно только на своем Божественном слове, как Он свидетельствовал в Мф. 16: «На сем камне Я создам Церковь Мою» 39. И Ин. 10: «Мои овцы слышат голос Мой и знают Меня, чужого же голоса не слушают они, а бегут от него» 40. Отсюда следует, что светская власть, выдвигая кощунственные требования, приближает души к вечной гибели. Ведь она заставляет верить в них так, будто бы они истинны и угодны Богу, сама сомневаясь, вернее, не сомневаясь в том, что — неуютны, ибо на этот счет имеется Его ясное Божественное слово. А кто считает правильным то, что на самом деле неправильно или неопределенно, тот искажает Божественную правду и верит лжи и заблуждениям, считает справедливым то, что несправедливо. Поэтому — глупо и ложно утверждение, что следует верить Церкви, Отцам, Соборам, хотя бы у них не было ни одного Божьего слова. Апостолы дьявола требуют этого, а не Церковь, потому что Церковь не приказывает; она знает точно, что такое Божье слово. Как заявляет святой Петр: «Говорит ли кто, говори как слова Божии» 41. Но они уже давно не доказывают, что решения Соборов — слова Божии. Вместе с тем, когда они говорят: «Короли, и князья, и толпа веруют так-то», — то [это звучит] еще глупее. Да ведь мы, любезный, крещены не во имя королей, князей или толпы, а во имя Христа и Самого Бога. Не королями, не князьями или толпой нас называют, а зовемся мы христианами. Душе никто не может и не должен приказывать, разве что тот, кто сумел бы указать ей путь к спасению. Однако это не в силах человеческих. Такое доступно лишь одному Богу. Посему в делах, которые затрагивают святость душ, не следует учить и принимать ничего, кроме слова Божьего.

Далее, хотя они и непроходимые дураки, но все равно должны признать, что не имеют никакой власти над душами. Ведь ни один человек не может убить душу или оживить ее, ввести ее в рай или в ад. И поскольку они не хотят прислушиваться к нам, стоит привести доподлинные слова Христа (Мф. 10): «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих

убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне». Я считаю, что это достаточно ясное свидетельство того, что душа изымается изо всяких человеческих рук и ставится единственно под Власть Божию. Ну-ка скажи мне, много ли ума должно быть в голове, которая раскладывает по полочкам заповеди, не имея на это никакой власти? И разве нельзя считать безумным того, кто приказал бы луне светить, потому что он так хочет? Как славно согласовывалось бы, если бы нам из Лейпцига в Виттенберг или, наоборот, мы из Виттенберга в Лейпциг стали рассылать приказы? 42 Тогда, очевидно, стали бы с благодарностью преподносить составителям приказов в дар чемерицу 43, чтобы они провеяли мозги и поплатились за это простудой. А между тем и император наш, и наши мудрые князья поступают именно так и позволяют слепым — папе, епископам и софистам — руководить в этом собой — слепым — и повелевают подданным своим верить не в соответствии со словом Божиим, а как им самим кажется правильным, и хотя при этом называться христианскими князьями; и это перед Богом!

Обо всем этом можно также сказать, что всякая власть должна и может действовать только тогда, когда у нее есть возможность видеть, знать, взвешивать, судить, изменять и переименовывать. Ибо что за судья был бы тот, кто захотел бы слепо решать дела, которых он не видел и о которых не слышал? Ну скажи-ка мне, как может человек видеть, узнавать, исправлять, оценивать и изменять сердца? Ведь такое предназначено одному Богу, как говорится в Псалме [7, 10]: «Бог испытует сердца и утробы». Кроме того, [Пс. 7, 9]: «Господь судит народы». И Деян. 10: «Ты, Господи, сердцеведец всех»⁴⁴. Наконец, Иер. 1: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его? Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности»⁴⁵. Суду, когда он судит, подобает узнать все и все вынести на свет. Но устремления души и ума не могут открыться никому, кроме Бога. Поэтому невозможно запретить кому-то силой или повелеть верить так, а не иначе. Для этого нужен другой подход, власть не в состоянии сделать это. И меня удивляют явные глупцы, трезвонящие повсюду: «De occultis non iudicat Ecclesia» — Церковь не решает сокровенных дел. Если Церковь посредством своего духовного правления распоряжается только общественными делами, то что тогда остается безрассудной светской власти, как не вязать и решать такие тайные, духовные, сокровенные дела, как вера?

Риск же для каждого заключается в определении того, как он верит, ибо нужно для самого себя убедиться, что веришь истинно. Ведь вряд ли кто-то другой может попасть за меня в ад или в рай, вряд ли может он за меня верить или не верить, закрыть или открыть для меня рай или ад, принудить меня к вере или неверию. Поскольку делом совести каждого является то, как он верит или не верит, — и в этом светская власть не должна никому чинить препятствий, — то она также должна довольствоваться исполнением своих обязанностей и позволить верить так или иначе, как кто может и хочет, и никого не принуждать силой. Ведь все, связанное с верой, — свободное дело, и к этому никто не может принуждаться. Да, это Божественное дело в Духе, умолчу уже о том, что внешняя власть не может ни принуждать к этому, ни насаждать этого. На этот счет стоит привести общеизвестное изречение, которое употреблял и Августин 46: «К вере нельзя и не следует никого принуждать».

Однако жалкие слепцы не видят, какое бесполезное и невозможное дело они предпринимают. Ибо как бы строго они ни приказывали и как бы сильно ни неистовствовали, им дано принудить людей лишь к тому, что последние поддержат их только словами и руками; сердце же они не смогут приневолить, ибо оно разорвется. Ведь вполне справедлива пословица: «Мысли не облагаются пошлинами». Что же получается, когда они хотят внедрить людям в сердце веру и видят, что это невозможно? Тогда они при помощи силы принуждают нестойких людей лгать, отречься и говорить не то, что последние таят в сердце, и обременяют самих себя ужасными чужими грехами. Ведь всякая ложь и ложные убеждения нестойких людей исходят от тех, кто принуждает к этому. И было бы намного легче, если бы они, в случае заблуждения их подданных, позволили им заблуждаться еще глубже, вместо того, чтобы принуждать их лицемерить и говорить противоположное тому, что у них на сердце. Также несправедливо, что зло хотят защитить

при помощи бесчинства.

Но ты хочешь знать, почему Бог порешил, чтобы светские князья так сильно осрамились? Я скажу тебе: Бог извратил их разум, желая с ними покончить так же, как и с духовными господами. Ведь мои немилостивые господа, папа и епископы, должны были исполнять пастырские обязанности и проповедовать слово Божие; но они пренебрегли этим и уподобились светским государям, управляющим с помощью законов, которые касаются лишь тела и имущества. Они ловко все переиначили: в то время как им надлежит управлять душами с помощью слова Божия, они управляют замками, городами, страной и людьми и мучают души несказанными муками. Точно так же и светские господа должны были управлять страной и людьми лишь внешне. Но они это предали забвению. Они умеют лишь сдирать и соскабливать шкуру [с подданных], налагать пошлину за пошлиной, ренту за рентой; они ведут себя коварно, как волки, им не свойственно чувство справедливости, верности или правды. В результате такой деятельности воцарится разбой и жульничество, и их светское правление придет в такой же упадок, как правление духовных тиранов. К тому же Бог извратил их разум, и они вознамерились взяться за безумное дело — управление душами подданных — подобно тому, как духовные власти хотят управлять светскими делами и тешат себя лишь тем, что обличают чужие грехи. А это порождает лишь гнев со стороны Бога и людей. [Так будет продолжаться до тех пор], пока они не погибнут вместе с епископами, священниками и монахами — одни злодеи вместе с другими. А они еще обрушиваются с нападками на Евангелие и, вместо того чтобы покаяться, возводят хулу на Бога, утверждая, будто бы мы повинны во всем, что сотворила и что сотворит в будущем, если не пресечь этого, их изощренная злобность. Точно так же поступали римляне незадолго до гибели своей державы 47. Но верь, ты еще увидишь Суд Божий над крупными вельможами! Им, однако, не дано знать это, чтобы своим покаянием они не предотвратили грозный Суд Божий.

Но ты можешь возразить: ведь Павел провозглашал (Рим. 13): «Всякая душа да будет покорна высшим властям». И Петр поучал: «Будьте покорны всякому человеческому начальству» 48. Отвечу: ты начинаешь правильно. Но все же эти изречения подтверждают мою мысль. Святой Павел говорит о начальстве и власти. Но ты уже слышал, что над душами никто, кроме Бога, не может властвовать. Таким образом, святой Павел рассуждал только о таком послушании, которое относится к светской жизни. Отсюда следует, что он говорил не о вере — потому что светская власть не может повелевать верой, — а о внешних ценностях, которые упорядочиваются и управляются на земле. Его слова становятся ясными и понятными тогда, когда он, разъясняя сущность власти и послушания, подчеркивает: «Итак, отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь» 49. Смотри, здесь светское послушание и власть касаются только внешних вещей: подати, оброка, чести, страха. Далее он говорит: «Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» 50. Однако он ограничивает власть тем, что она должна исправлять не веру, или Божие слово, а злые дела.

Этого также хотел святой Петр, употребляя выражение «человеческое начальство» 51. Но власть человеческого начальства не может распространяться на Небо и душу, а только на землю и внешние отношения людей друг с другом, чтобы можно было видеть, узнавать, оценивать, судить, наказывать и спасать людей.

Все это хорошо различал и сжато выразил сам Христос в следующих словах (Мф. 22): «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Если бы власть кесаря распространялась также на Царство Божие и Его могущество, а не была бы обособлена, то Христос не сделал бы этого различия. Нет, душа, как говорилось, не во власти кесаря; не может он ее ни поучать, ни возглавить, ни умертвить, ни оживить, ни вязать, ни решать, ни судить, ни осудить, ни держать, ни отпустить; что, однако, должно было бы быть, если бы он обладал властью повелевать ею и диктовать ей законы; но он вполне может поступать так с телом, имуществом и честью, потому что они находятся под его властью.

Все это давно уже раскрыл Давид в одном своем коротком изречении (Пс. 113): «Небо

— небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим»!52 Это означает: Бог наделил человека достаточной властью по отношению ко всему существу на земле и относящемуся к преходящему земному царству; но в том, что относится к Небу и к Вечному Царству, властвует единственно Небесный Господин. Об этом не забывал Моисей, запечатлев следующее (Быт. 1): «И сказал Бог: „Сотворим человека; и да владычествует он над скотом на земле, и над рыбами в воде, и над птицами в воздухе"»53. Упомянутое изречение касается только внешнего порядка, предписанного человеку. Но истина заключается в мысли, которую высказал святой Петр (Деян. 4): «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»54. Тем самым Петр четко указал границы светской власти. Ведь, если бы нужно было придерживаться всего, на что притязает светская власть, тогда понапрасну были произнесены слова: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам».

И если князь или светский владыка твой повелит тебе быть заодно с папой, верить по указанному, или же прикажет тебе отказаться от книг, то ты должен заявить: «Не подобает Люциферу восседать рядом с Богом. Тебе, любезный господин, я обязан повиноваться и телом, и имуществом своим. Приказывай мне, что в твоей власти на земле, буду я исполнять это. Но если ты велишь мне верить [так, как тебе заблагорассудится], и захочешь забрать у меня книги, то я не хочу тебе повиноваться. В таком случае ты — тиран и слишком высоко заносишься, повелеваешь там, где нет у тебя ни права, ни власти». Если он отнимет за это имущество твое и накажет непослушание твое, то возвеселись и возблагодари Господа, что ты сподобился пострадать ради слова Его. Пусть [князь], глупец, неистовствует, он наверняка найдет своего судью. Истинно говорю тебе: если ты не воспротивишься ему, уступишь ему, позволишь отнять у себя веру или книги, то ты отрекся от Господа.

Приведу пример: в Мейсене, Баварии, в марке 55 и в других местах тираны распространили запрет разъяснять во время богослужения Новый Завет. Их поданным запрещалось читать даже страничку, даже букровку [под угрозой] потери [небесного] спасения. Но кто послушался этого, тот предал Христа в руки Ирода, потому что поступил, как христоубийца, как Ирод 56. Нет, надо терпеть до конца, хотя бы врывались в дома наши, забирали бы силой книги ли, имущество ли. Злу следует не противиться, а претерпевать его; но не нужно и одобрять его, тем паче способствовать ему хотя бы в мелочах покорностью и повиновением. Потому что такого рода тираны действуют так, как надлежит поступать светским князьям. Они ведь — «мирские» князья, а мир — враг Господа; поэтому они и должны делать то, что не угодно Господу, но любезно миру, чтобы никоим образом не стать бесчестными в глазах мира, а остаться настоящими светскими князьями. Поэтому не удивляйся, если они, увидев Евангелие, неистовствуют и впадают в безумие; они должны соответствовать титулу своему и имени.

Знай также, что с сотворения мира мудрый князь — птица редкая, и еще более редок князь благочестивый. Обыкновенно они либо величайшие глупцы, либо крупнейшие злодеи на земле; всегда нужно ждать от них наихудшего, редко — чего-либо хорошего, особенно в Божественных делах, в делах спасения души. Ведь они — палочники и палачи Господа, и Божественный гнев употребляет их для наказания злых, для поддержания внешнего мира. Велик господин — наш Бог, поэтому и пристало Ему иметь таких вельможных, высокородных, богатых палачей и стражников, и Он хочет, чтобы они отличались от каждого и от толпы богатством и знатностью и внушали всем страх. Его Божественной Милости угодно, чтобы мы называли Его палачей милостивейшими господами, преклонялись перед ними, служили бы им со всем смирением, если только они не слишком расширяют ремесло свое, не хотят из палачей сделаться пастырями. Если же князю удастся быть умным, благочестивым, или христианином, то это — великое чудо, вернейший знак милости Божией для данной страны. Потому что из повседневной жизни исходит изречение Исаяи (Ис. 3): «И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними». А также Осии (Ос. 13): «И я дал тебе царя во гневе моем и отнял в негодовании моем». Мир — зол и не стоит того, чтобы в нем было много умных и благочестивых князей; для лягушек нужны аисты.

Но ты снова возразишь: «Да нет, светская власть не принуждает верить, она лишь внешним образом противится тому, чтобы люди не совращались лжеучением; как же иначе можно пресечь еретиков?» Ответ: это должны делать епископы, которым такое занятие предписано, а не князья. Ибо ересь нельзя никогда пресекать силой, здесь нужен иной подход, не меч, а нечто другое. Здесь должно сражаться слово Божие; если оно в данном случае ничего не решит, то этого не решит и светская власть, даже если она наполнит мир кровью. Ересь — духовное дело; ее нельзя изрубить никаким железом, сжечь в любом огне, утопить в любой воде. Для этого нужно единственно слово Божие, которое свершает это, как говорил Павел (2 Кор. 10): «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы. И всякое превознесение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление и послушание Христу...»

К тому же вера и ересь становятся сильнее всего тогда, когда против них выступают без слова Божия, одной только силой. Ибо считается само собою разумеющимся, что такая власть поступает несправедливо, действуя без слова Божия, и не может помочь себе ничем, кроме насилия, как это делают неразумные звери. Ведь нельзя и в светских делах действовать силой, бесправие нужно прежде всего преодолевать правом. Но в еще большей степени невозможно действовать насилием без права и Божьего слова в этих высших духовных делах! Поэтому смотри, как добрые, умные дворяне поступают со мной. Они хотят изгнать ересь и не понимают того, что тем самым только усиливают сопротивление, порождают недоверие к себе и веру в справедливость преследуемых. Любезный, если ты хочешь изгнать ересь, то должен знать, что ее надо прежде всего искоренить из сердца и отворотить основательно волей: с помощью насилия ты не покончишь с нею, а только усилишь ее. Разве тебе поможет, если ты укрепишь ересь в сердце и только внешне на языке ослабишь ее и принудишь человека ко лжи? Божье же слово просветляет сердце и само собой изгоняет из него все ереси и заблуждения.

Такое искоренение ереси провозгласил пророк Исайя (Ис. 11), который изрек: «И железом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого». Изречение свидетельствует о том, что суд будет вершиться [Божьими] устами, которыми будут поражены и отвергнуты безбожники. Общий итог: наши князья и тираны не знают, что сражаться против ереси — значит сражаться против дьявола, который пленяет сердце заблуждением, как говорит Павел (Еф. 6): «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальства, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» и т. д. Дьявол на протяжении столь долгого времени не изгнан и продолжает охотиться за сердцами потому, что с ним борются так, как если бы соломинкой пытались заслониться от молнии. Все это раскрывает праведный Иов (Ив. 41), замечая, что дьявол железо считает соломой и не боится никаких властей на земле. Это также достаточно хорошо подтверждает практика. Ведь если, применив насилие, сжечь всех иудеев и еретиков, то все равно никого из них не удастся ни переубедить, ни обратить [в свою веру].

Однако этому миру подобает иметь таких князей, которые не исполняют и части своей службы. Епископы пренебрегают словом Божиим и не управляют с его помощью душами, а приказывают светским князьям, чтобы они управляли душами с помощью меча. Наоборот, светские князья не обращают внимания на ростовщичество, грабеж, расторжение брака, убийство и другие злые дела и наказывают вместо епископов отлучениями. Итак, все в мире перевернулось: меч управляет душами, послания — телом, светские князья управляют духовно и духовные — светски. Что можно сделать дьяволу на земле, если он так фокусничает и разыгрывает карнавальные комедии вместе со своими сторонниками? Последние — наши христианские князья, которые защищают веру и пожирают турок 57. Да, конечно, они — подмастерья дьявола, которому вполне доверяют; с таким высокоумием они кое-чего добились, а именно: [в увеселениях] надорвали глотки, а страну и людей привели к нужде и нищете.

Но я хочу доверительно посоветовать введенным в заблуждение людям, чтобы они не стремились осуществить то, о чем говорится в небольшом изречении из 106 Псалма:

«Effundit contemptum super principes» 58. Я заклинаю вас Богом, не ошибитесь в том, что если это маленькое изречение будет воплощено в дело вами, то вы будете потеряны [для Бога], даже если кто-нибудь из вас станет таким же могущественным, как турки, и ничто не поможет вашей мести и неистовствам. А такое уже начинается, и это видно по тому, что лишь немногих князей не считают дураками или разбойниками. Вскоре они еще больше проявят себя, и это- станет очевидным для простого народа, и гнет князей, который Бог называет «contemptum» 59, непомерной тяжестью обрушится на чернь и простой люд; и я опасаюсь, что от них нельзя будет ничем защититься, и князья тогда оставят княжеское и вновь начнут править осторожно, в соответствии с разумом. Не будут, не могут, не хотят более сносить вашу тиранию и своеволие! Считайтесь с этим, любезные князья и господа; Бог не хочет более допускать такого! Теперь мир не тот, что раньше, когда вы травили людей и охотились на них, как на дичь какую-нибудь. Оставьте поэтому беззаконие ваше и насилие, подумайте о том, чтобы действовать по справедливости, а слову Божьему оставьте тот путь, которым оно хочет, должно и обязано следовать, и не препятствуйте ему. Если встретите ересь, то преодолите ее, как подобает, словом Божьим. Но если вы будете размахивать множеством мечей, то увидите, что появится тьма-тьмущая людей, которые не захотят сносить этого, даже во имя Бога.

Но ты можешь сказать: «Если среди христиан не должно быть никакого светского меча, то как же в таком случае управлять ими? Ведь и среди христиан должна сохраняться власть». Отвечу: «Среди христиан не должно и не может быть никакой власти, каждый подчинен другому, как говорит Павел (Рим. 12): «Каждый должен считать другого своим начальником»⁶⁰. И 1 Пет. 5: «Все же подчиняйтесь друг другу»⁶¹. Этого также хотел Христос (Лк. 14): «Когда ты будешь позван кем на брак, то садись на последнее место»⁶². Среди христиан нет большего начальника, кроме Самого Христа и единственно Христа. И что за начальник может быть у них, если они все одинаковы и имеют одни и те же права, власть, имущество и честь? К тому же никто и не стремится быть главой другого, но каждый хочет подчиниться другому. Разумеется, там, где есть такие люди, можно было бы не учреждать никакой власти, даже если с этим охотно соглашались. Ведь противоестественно заводить начальников, когда никто не хочет становиться начальником. А где нет таких людей, там нет истинных христиан». Но для чего нужны священники и епископы? Ответ: их правление — это не власть или сила, но служба или занятие; так как они не выше и не лучше других христиан. Поэтому они и не должны налагать на других никакого закона или запрета без их воли и разрешения; ведь их правление — не что иное, как распространение Божьего слова, поучение им христиан и преодоление ереси. Ведь сказано, что христиане не могут управляться ничем иным, кроме единственно слова Божьего. И христиане должны совершенствоваться в вере, а не в показных делах. Вера же может прийти не через человеческое, а через Божье слово, как говорит Павел (Рим. 10): «Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия». А те, которые не верят, не относятся к христианам, они принадлежат не к Царству Христа, но к светскому царству; принуждаются и управляются мечом и внешним правлением. Христиане же, не принуждаемые никем, сами делают все доброе и имеют все необходимое для себя единственно в слове Божьем. Но об этом я уже много и часто писал.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

А теперь, зная, каковы границы светской власти, поговорим о том, как надлежит править князю. И это делается ради таких князей, которые от всей души хотят быть настоящими христианами и задумываются над тем, как войти в Царство Небесное. Но таковых совсем мало. Ведь Христос раскрыл подлинное естество светских князей в таких словах (Лк. 22): «Светские правители господствуют, и кто главнее, применяет силу»⁶³. Ибо они считают, что если родились или избраны правителями, то имеют право заставить служить себе и управлять при помощи силы. Однако тот, кто хочет быть христианским князем, воистину должен отказаться от мысли, что ему надлежит управлять и действовать лишь силой. И да будет проклято все, живущее на пользу и благо самому себе, да будут

прокляты все дела, источник которых не любовь! К делам же любви причисляются лишь те, которые совершаются от всего сердца и не для собственного успеха, пользы, почета, удобства и святости, а для пользы, почитания и святости других.

Я не хочу здесь ничего говорить о светской деятельности и законах властей, потому что это далеко идущее дело; к тому же имеется слишком много сводов законов. Впрочем, если князь не умнее своих юристов и понимает не более того, что содержится в сводах законов, то, конечно же, он будет управлять в соответствии с изречением Притчей Соломоновых, 28: «Неразумный правитель много делает притеснений». Как хороши и справедливы ни были бы законы, все они имеют один недостаток: их нельзя распространить на все без исключения случаи. Поэтому князь должен держать закон в руке своей столь же крепко, как меч, и соизмерять со своим разумом; где и когда нужно применить закон во всей строгости, где и когда нужно смягчить его, так, чтобы разум постоянно превозносился выше всяких законов и оставался высшим законом и лучшим законоведом. Правителя можно сравнить с главой семейства, который, устанавливая распорядок работы и питания для своей семьи, всегда готов к тому, чтобы суметь изменить или смягчить его в случае болезни, плена, ареста, обмана, вообще непредвиденных обстоятельств, возникших перед членами его семейства, и не поступать с больными столь же строго, как со здоровыми. Я говорю это для того, чтобы не думали, будто бы написанный закон и советы юристов безупречны и можно вполне обойтись только ими. Нет, нужно нечто большее.

Но как следует поступать князю, если он не слишком умен и вынужден управлять с помощью юристов и свода законов? Ответ: по этому поводу я замечал, что княжеская служба — опасная служба. И если князь сам не умен и вместо него управляют законы и советники, тогда идет все согласно изречению Соломона: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок» 64. Убедившись в этом, сам Соломон отказался от всех законов, которые ему через Бога передал Моисей, и от всех своих князей и советников, и обратился к Самому Богу, умоляя Его о ниспослании мудрости для управления народом. Так же должен действовать и князь: со страхом Божиим, не надеясь ни на мертвые книги, ни на живых советчиков, а лишь на Бога, упрашивая и умоляя Его даровать правильное понимание всех книг и наставников, дабы мудро управлять народом. Поэтому не могу и я предписать каких-либо законов князьям, хочу лишь, поучая сердца их, указать, как они должны мыслить, на что должны обращать внимание во всех законоположениях, советах, решениях и делах. И если они будут поступать так, то воздаст им Бог сторицей, и они смогут справедливо, по-Божески вникать во все права, советы и действия.

Во-первых, [князь] должен иметь в виду подданных своих и с этим сообразовывать намерения свои. Но это он сможет сделать тогда, когда все его помыслы будут направлены на пользу и служение подданным. Не пристало ему думать: страна и люди мои, я хочу делать то, что мне нравится; но [ему подобает рассуждать] так: я принадлежу стране и людям, я обязан действовать им во благо. Мне нужно стремиться не к тому, чтобы вознестись высоко и властвовать, а к тому, чтобы охранять и защищать подданных посредством прочного мира. Кроме того, ему следует представить воочию Христа и сказать самому себе так: «Обрати внимание, ведь Христос, Высший Правитель, пришел и служил мне, не ожидая от меня власти, имущества и почитания, но видел только мои нужды и стремился к тому, чтобы я был наделен имуществом и окружен почетом. Я хочу поступать так же: искать не моего блага, а блага моих подданных; я стремлюсь приносить им пользу, стараюсь поддерживать и защищать их и управлять так, чтобы блага пожинали они, а не я». Да откажется князь в сердце своем от сладости власти, да обратится он к нуждам подданных своих, действуя так, как будто бы то — его собственные нужды! Ведь так к нам относился Христос, это и есть дела христианской любви.

Но ты скажешь: «Кто же захочет тогда быть князем? Ведь при таких требованиях княжеское звание стало бы самым непривлекательным на земле. С ним было бы сопряжено столь много труда и забот и столь мало веселья. И кто же захочет бросить княжеские увеселения: танцы, охоту, скачки, игры и подобные светские радости?» Отвечаю: «Мы

сейчас учим не тому, как должен жить светский князь, но — как светскому князю стать христианином, чтобы и он попал в рай. Кто же не знает того, что князь — редкость в раю. Я говорю об этом, отнюдь не льстя себя надеждой, что светские князья [тотчас же] последуют моему совету. Однако, может быть, найдется кто-нибудь, кто возымеет желание стать христианином и захочет узнать, как он должен действовать. Ведь я убежден в том, что не Божье слово должно подчиняться князьям, склоняясь перед ними, а князьям надлежит руководствоваться им. Для меня достаточно, если я укажу, что в общем-то и князь может стать христианином, хотя это случается редко и достигается с трудом. И там, где [князья] действуют в рамках приличия, так что их танцы, охота и скачки не вредят подданным, и их служба по отношению к последним осуществляется в любви, Бог не будет настолько строг, чтобы запретить им танцы, охоту и скачки. Но если князьям подобает в соответствии со своими обязанностями заботиться о подданных и охранять их, то само собой разумеется, что у них должно оставаться очень мало времени и желания для увлечения танцами, охотой, скачками и играми».

Во-вторых, князь должен смотреть за важными вельможами и советниками своими: пусть он никого не обижает недоверием, но пусть и никому не доверяет настолько, чтобы допускать бесконтрольное ведение всех дел. Бог не одобряет ни первое, ни второе. Он однажды говорил через ослицу 65, поэтому ни один человек не может презираться, как бы ничтожен он ни был. А, с другой стороны, Бог даже ангелов низвергает с неба (Откр. 12). Поэтому не следует доверять ни одному человеку, как бы умен, свят и велик он ни был, но нужно выслушивать каждого и ждать, через кого Бог захочет говорить и действовать. Величайшим бедствием, присущим [многим] княжеским дворам, является то, что князь позволяет пленить свой ум важным вельможам и льстецам и управляет по их подсказке. Ведь такое заблуждение или слабоумие отражается не на одном человеке: такого глупца должны терпеть страна и люди. Поэтому пусть князь доверяет вельможам своим, пусть он дает им действовать, но так, чтобы узда была в его руке, чтобы он сам не почивал в надежде на них, а всегда присматривался и к управлению, и к суду, как Иосафат 66; тогда он сам увидит, что нельзя никому доверять. Ведь не можешь же ты полагать, что кто-то потрудится для тебя и страны твоей так же, как ты сам, разве лишь мудрец и добрый христианин; обычный же человек не сделает этого. К тому же, не зная, христианин ли он, или как долго он им останется, ты не можешь полагаться на него с уверенностью.

И остерегайся более всего такого, который говорит: «Милостивый государь, если бы вы не доверяли мне так и т. д.». Он, разумеется, неискренен и, воспользовавшись твоим ротозейством, хочет стать господином в стране. А если бы он был истинным и благочестивым христианином, то смиренно претерпевал бы твое недоверие, восхваляя и почитая тебя за строгий надзор. Действуя по-Божески, он стремился бы к тому, чтобы его поступки были на виду у всех. Ведь Христос отмечал (Ин. 8): «Поступающий по правде — идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» 67. А льстец хочет ослепить тебя и действовать в темноте. На это обратил внимание Христос, сказавший: «Всякий, делающий злое, ненавидит свет, чтобы не обличились дела его». Поэтому остерегайся такого; и если он будет из-за этого роптать, то заяви: «Любезный, я не допускаю по отношению к тебе никакой несправедливости, но Бог не хочет, чтобы я доверял даже самому себе, тем более — какому бы то ни было человеку; обижайся на Него, что Он возжелал такого и что Он создал тебя всего лишь человеком. Другое дело, если бы ты был подобен ангелу, но поскольку Люциферу не стоит доверять, не хочу я доверять и тебе; ибо следует доверять одному Богу».

Пускай не думает ни один князь, что он может поступать лучше, чем Давид 68 — пример для всех князей. У Давида, по свидетельству Писания (2 Цар, 16), был мудрый советник, которого звали Ахитофел. Он пользовался таким уважением, что его советы расценивались как наставления Божий. Однако пал он настолько низко, что хотел предать и убить Давида, своего собственного господина (2 Цар. 17). И тогда Давид постиг, что не следует доверять ни одному человеку 69. Подумай, почему Бог позволил и произойти этой

ужасной истории, и описать ее? Только потому, чтобы предостеречь князей и господ от опаснейшего несчастья, с которым они могут столкнуться, и для того, чтобы они никому не доверяли. Ведь нет никакого толка, когда при господских дворах правят льстецы или когда князь перекладывает все на плечи других и позволяет каждому делать то, что ему заблагорассудится.

Но ты спрашиваешь: «Если нельзя никому довериться, то как же управлять страной?» Ответ: «Ты обязан повелевать и решать; а доверять и верить не должен никому, кроме одного Бога. Ты можешь поручить кому-нибудь разные дела и обсуждать их с ним; но доверять не более, как если бы его вообще не было, а смотреть за всем неусыпно предстояло бы тебе самому. Вот возница, он тоже доверяет своей лошади и повозке, которыми управляет, но не дает им воли, а держит вожжи и кнут в руке своей и не дремлет, а следует старой пословице, которая, несомненно, основана на опыте и является правильной: «Глаз хозяина делает лошадь тучной». И еще: «След ноги хозяина хорошо удобряет почву». Это означает, что там, где правитель не присматривает за всем сам, а полагается на советы и подданных, он поступает неправильно. Бог хотел и сделал так, чтобы правители принуждались обстоятельствами полагаться на самих себя, точно так же, как каждый должен посвятить себя своему делу, а все творения — своему предназначению; иначе правители превратились бы в раскормленных свиней и бесполезных тварей, которые никому не нужны, кроме самих себя».

В-третьих, о том, как князю справедливо действовать по отношению к злонамеренным людям. В этом подобает ему быть достаточно осмотрительным и мудрым, чтобы порок наказывался без ущерба для других. И в этом случае на найти мне лучшего примера, чем Давид. У него был военачальник, по имени Иоав, который совершил два тяжких проступка и предательски умертвил двух благочестивых вождей, чем дважды заслужил смерть. Однако Давид не убил его, а завещал это сделать своему сыну Соломону, не сомневаясь в том, что последний сможет сделать это лишь с большим сожалением⁷⁰. Так же должен наказывать зло и князь: не поддаваясь гневу, не ввергая из-за своенравия страну и людей в невзгоды и не наполняя землю вдовами и сиротами. В особенности же ему не подобает прислушиваться к таким советникам и бахвалам, которые, подстрекая и прельщая его начать войну, говорят: «Разве должны мы сносить такие слова и произвол?» Плох тот христианин, который ради одного замка рискует страной. Короче, здесь нужно придерживаться пословицы: «Кто не может смотреть сквозь пальцы, тот негодный правитель». Существует правило: где бесправие не может наказываться без большего бесправия, там нужно отбросить свое право, каким бы справедливым оно ни казалось. Не свою жалость князь должен принимать во внимание, а бесправие по отношению к другим, которые вынуждены будут страдать от его наказания. За что же наказывать многих женщин и детей, которые станут вдовами и сиротами только потому, что ты мстишь оскорбившему тебя вздорному языку или злой руке?

Но ты спрашиваешь, наконец: «Неужели князь не должен воевать, или его подданные не должны следовать за ним на войну?» Ответ: Это обширный вопрос, но я постараюсь быть немногословным. По-христиански поступать в данном случае, скажу я, — это значит: ни один правитель не должен воевать против своего владыки, например, против короля и императора или вообще против своего сеньора; пусть они забирают все, что хотят. Ибо власти следует противиться не силой, а лишь сознанием правоты своей; и если она примет это во внимание — хорошо; а если нет — то ты невиновен и терпишь бесправие ради Господа. Если же твой противник равен тебе [по положению], или ниже тебя, или иностранный вельможа, то ты сперва обязан предложить ему мир и соглашение, как учил Моисей детей Израилевых. Если он не пойдет на это, тогда уж думай сам о своих возможностях и силой обороняйся против силы. Все это хорошо описано Моисеем (Втор. 20). Но и тут имей в виду не себя самого и то, как тебе остаться государем, а подданных своих, которых ты обязан охранять и поддерживать, чтобы и в подобных делах ты руководствовался любовью [к ближнему]. Если вся страна твоя находится в опасности, должен ты взвесить, хочет ли Бог помочь тебе, чтобы не все было подвергнуто

уничтожению. И если ты не можешь обороняться без того, чтобы не оставить некоторых вдовами и сиротами, то ты все-таки должен защищаться, чтобы не все было уничтожено на земле и чтобы не все остались вдовами и сиротами.

В таком случае подданные обязаны следовать за тобой, жертвовать и жизнью, и имуществом своим, ибо тут каждый должен рисковать и собой, и имуществом ради другого. При такой войне — дело христианское, дело любви — безбоязненно громить, грабить, жечь врага, делать все, что вредит ему, пока он не будет обращен в бегство, (остерегаясь лишь греха, не насилая женщин и девушек); а после того, как враг побежден, с теми, кто сдался и покорился, обращай милосердно и миролюбиво. На этот случай есть поговорка: «Бог помогает сильнейшему». Так поступал Авраам, разбивший четырех царей (Быт. 14). Правда, он проявлял чрезмерное милосердие и до того, как разгромил их. И такой случай следует рассматривать как ниспосланный Богом для того, чтобы Авраам освободил страну и изгнал злых разбойников.

«А что, если князь поступает незаконно; обязан ли его народ следовать за ним?» Ответ: «Нет, потому что против закона не подобает действовать никому; ибо Богу, (Который ввел закон), надлежит повиноваться больше, нежели человекам» (Деян. 5). — «Ну, а если подданные не знают, правы они или нет?» Ответ: «Раз они не знают этого и сами не могут узнать, несмотря на всевозможные старания, то пусть они следуют за князем, не боясь греха. В подобном случае нужно применять закон Моисея (Исх. 21), где говорится, что убийца, который непреднамеренно убьет кого-нибудь, освобождается от суда и наказывается изгнанием в другой город. А сторона, которая в рассматриваемом случае потерпит поражение, права она или не права, должна воспринять это как наказание Господне. Тот же, кто нападет, не зная, [прав он или неправ], и победит, не должен терзаться угрызениями совести, подобно тому, как если кто упадет с крыши на другого и зашибет его насмерть, пусть предоставит дело Господу. Для Бога не имеет значения: забрать у тебя имущество или жизнь посредством справедливого или же несправедливого господина. Ты являешься творением, и Он может это сделать с тобой, как захочет; даже если твоя совесть неповинна ни в чем. Так, простил Бог царя Авимелеха (Быт. 20), когда он взял у Авраама его жену; не потому, что Авимелех поступил правильно, а потому что он не знал, что это жена Авраама».

В-четвертых, хотя это, конечно, следовало бы поставить на первое место, и о чем мы уже писали раньше: должен ли князь по отношению к Богу держать себя как христианин, это значит — подчиняться Ему с полным доверием, просить ниспослать себе мудрость для справедливого правления, как делал Соломон. Но о вере и доверии к Богу я уже достаточно писал, так что здесь не обязательно распространяться об этом.

А сейчас мы хотели бы остановиться и порассуждать о том, как неоднозначно должен вести себя князь в четырех обстоятельствах. Во-первых, к Богу [он должен относиться] с глубоким доверием и христианской молитвой. Во-вторых, к своим подданным — с любовью и христианским служением. В-третьих, к своим советникам и управляющим — с пониманием, без предубеждения. В-четвертых, по отношению к злодейским поступкам — решительно, серьезно и строго. Так будет твое сословие внешне и внутренне справедливо, угодно Богу и людям. Но оно из-за этого должно претерпеть много зависти и страданий, так как на пути такого начинания сразу же возникнет множество препятствий.

Под конец, в качестве дополнения, должен я также ответить тем, которые диспутируют о «Restitutio», т. е. о возвращении долга. Ведь это — также дело светского меча. Об этом много написано, и многие будут искать здесь снисходительной строгости. Однако я хочу все сжато обобщить и все законы и строгие предписания, которые созданы при этом, связать воедино следующим образом: нельзя здесь найти более ясного закона, чем закон любви. Во-первых, ты сталкиваешься с таким случаем, когда один должен возратить долг другому. Если оба — христиане, то дело решается быстро, потому что никто не будет утаивать от другого своего [имущества] и никто не будет требовать возвращения [долга]. Если христианином является один, а именно тот, кому должны возратить [долг], то это снова решается легко; потому что он не спрашивает о долге, даже если ему никогда не возвратят

его. Подобным образом поступит и христианин, который должен возратить долг; он также отдаст его. Следовательно, если один из двух христианин, то тебе так же следует решить дело о возвращении долга. Если должник беден и не в состоянии возратить долг, а [кредитор] — богат, то ты должен здесь применить закон любви и освободить должника от уплаты долга; потому что [кредитор] обязан в соответствии с законом любви простить ему долг и к тому же оказать помощь, если это необходимо. Если же должник не беден, то заставь его возратить [долг], сколько он сможет: полностью, половину, третью или четвертую часть, чтобы он, его жена и дети были в достаточной мере обеспечены жилищем, пропитанием и одеждой; потому что ты обязан сделать для него это. Если ты в этом не нуждаешься, а он без этого не может обойтись, ты должен взять меньшую часть.

Если же оба — нехристиане, или один из них не хочет [решить дело] по закону любви, ты должен позволить одному искать судью над другим и сказать им, что они поступают вопреки любви и естественному праву, а по человеческому закону они будут осуждены более строго. Ведь природа учит, как поступать по любви: поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой. Поэтому не могу я никого лишать такого хорошего права, каким я постоянно пользуюсь; в такой же степени я не хочу, чтобы кто-то лишал меня этого права; если мне угодно, чтобы другой смягчил свое право по отношению ко мне, точно так же и я должен смягчать свое право. Так следует поступать и со всяким чужим имуществом, тайным или явным, чтобы при этом присутствовали всегда любовь и естественное право. И если ты будешь судить в соответствии с принципами любви, ты легко будешь рассматривать и решать все дела безо всяких книг законов. Если же ты не будешь принимать во внимание любви и естественного права, то ты никогда не сможешь поступать так, чтобы это понравилось Богу, даже если бы ты сожрал все книги законов и всех юристов. Чем больше ты будешь доверять им, тем быстрее они тебя введут в заблуждение. Справедливое, хорошее решение может и должно приниматься не на основании книг, а на основе здравого смысла, как если бы не существовало никаких книг. Подобное свободное решение дают любовь и естественное право, наполненные разумом; из книг вытекают ограниченные и недостаточно четкие суждения. В этой связи я приведу тебе пример.

О герцоге Карле Бургундском⁷¹ рассказывают следующую историю. Один дворянин взял в плен своего врага. Жена пленника стала просить об его освобождении. Дворянин, однако, согласился на это лишь при условии, что она переспит с ним. Будучи благочестивой, женщина вместе с тем очень хотела освободить мужа. Придя к мужу, она спросила, может ли она ради его освобождения согласиться на предложение дворянина. Муж, страстно желая освободиться и сохранить свою жизнь, разрешил это жене. Но дворянин, переспав с женщиной, на следующий день приказал отрубить ее мужу голову и показал ей казненного. Она пожаловалась герцогу Карлу. Тот вызвал дворянина и приказал ему взять в жены эту женщину. Когда сыграли свадьбу, [Карл] приказал отрубить дворянину голову, а женщине отдал его поместье и выдал ее вновь замуж, и, таким образом, чисто по-княжески наказал порок.

Смотри, такого решения ему не могли бы подсказать никакой папа, никакой юрист, никакая книга. Оно принято при помощи чистого разума, который вознесся выше всех книг законов, рассудил настолько хорошо, что всякий должен одобрить это и найти у самого себя в сердце настоящее право. Об этом писал также святой Августин в поучении «De in monte»⁷². Поэтому следует считать содержащееся в своде законов право ниже разума, из которого оно вытекает, как из родника права. А забвение связи права с родником ведет к пленению разума буквами.

В конце октября 1522 г. Лютер шесть раз выступал с проповедями в Веймаре при герцогском дворе. На проповедях, произнесенных 24 и 25 октября, присутствовали герцог Иоганн Саксонский и его сын Иоганн Фридрих. Эти проповеди (См.: WA. Bd. 10, III. S. 371—385) легли в основу произведения «О светской власти...». О своем намерении написать это сочинение Лютер заявил 3 ноября 1522 г. (См.: WA Br. Bd. 2. S. 613). К написанию

произведения реформатор приступил не раньше середины декабря 1522 г. (См. письма Лютера к веймарскому придворному проповеднику Вольфгангу Штейну от 11 и 20 декабря 1522 г. (WA Br. Bd. 2. S. 624, 638). Обращение к герцогу Иоганну Саксонскому, помещенное в качестве предисловия к рассматриваемому сочинению, Лютер датирует «наступившим 1523 г». Опубликовано произведение в марте 1523 г.

Сочинение состоит из трех частей. В первой — обосновывается необходимость духовного и светского царств и правлений и раскрывается их сущность. Во второй, основной части произведения, Лютер рассматривает вопрос о границах светской власти и резко осуждает вмешательство князей в религиозную сферу. В третьей части содержатся советы и рекомендации властям по управлению светскими делами.

Небольшие отрывки из этого произведения были переведены на русский язык Д. Н. Егоровым (См.: О светской власти, в какой мере люди обязаны ей повиновением // Источники по истории Реформации. Вып. 1. М., 1906, с. 20—33). В полном объеме произведение переводится на русский язык впервые. Перевод сделан по изданию: Luther Martin. Von weltlicher Oberkett, wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei // EA. Bd. 22. S. 59—105.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1 Иоганн Саксонский (1468—1532) — герцог, брат курфюрста Фридриха Саксонского, с 1525 — курфюрст Саксонский — Иоганн Постоянный, сторонник лютеровской реформации.

2 Здесь Лютер намекает на преследование реформационного движения.

3 Цитата приводится Лютером не дословно.

4 См.: Augustino epistolae 136, 138 // Migne J. P. Patrologia Latina. Т. 33. Р. 514, 525.

5 См. прим. 20 к произведению «К христианскому дворянству немецкой нации...»

6 Софистами Лютер называет средневековых схоластов.

7 Лютер имеет в виду свое произведение «К христианскому дворянству немецкой нации...»

8 Речь идет о выступлении имперского рыцарства под предводительством Франца фон Зиккингена (1481—1523) в 1522—1523 гг.

9 Лютер выступает здесь против преследования сторонников Реформации. В начале 1522 г. многие немецкие князья — ревностные приверженцы католицизма — издали указы, запрещающие их подданным читать лютеровский перевод Нового Завета, исповедовать реформационное учение и осуществлять церковные преобразования.

10 Имеется в виду Вормский эдикт 1521 г., поставивший Реформацию вне закона.

11 Намек на имперское правление в Нюрнберге, которое после Вормского рейхстага 1521 г. замещало отсутствовавшего в Германии императора.

12 Цитируемый Лютером отрывок содержится в Рим. 13, а не в Рим. 12.

13 Быт. 4.

14 Цитата из Исх. 21, 23—25 приводится Лютером неточно.

15 Цитата из Мф. 26, 52 приводится Лютером неточно.

16 Лк. 3, 14.

17 Цитируемый отрывок содержится в 1 Пет. 3, 9.

18 Цитата из Ин. 18, 36—37 приводится Лютером неточно.

19 Цитата из Мф. 3, 2 приводится Лютером неточно.

20 Мф. 6, 33; Мк. 1, 15.

21 См.: Luther M. Enarrationes epistolarum et evangeliorum quas postillas vocant (1521) //WA. Bd. 7. S. 476, 504.

22 Цитата из 1 Пет. 2, 13—14 приводится Лютером неточно.

23 О намерении Давида построить храм см.: 2 Цар. 7.

24 3 Цар. 6, 7.

25 1 Пет. 2, 13.

26 Мф. 5, 39.

27 См. прим. 129 к произведению «К христианскому дворянству немецкой нации...»

28 Лк. 3, 14.

29 Мориц — Мориц (Мавриций), святой (конец III в. — ок. 300). По преданию, возглавлял 6600 легионеров, которые отказались участвовать в карательной акции против христиан. За это по приказу императора Максимиана (286—305) Мориц и его легионеры были казнены. В позднее средневековье Мориц считался покровителем многих рыцарских орденов. День поминаения Морица — 22 сентября.

30 Гереон — Гереон, святой (конец III в.—ок. 304). За отказ от подавления христиан он и руководимые им 318 легионеров по приказу императора Диоклетиана (284—305) были казнены в Кельне. День поминаения Гереона — 10 октября.

31 Ахатий — Ахатий, святой (конец III в. — ок. 306). Военачальник римской армии. За христианские убеждения был подвергнут жестокой казни. Церковью приобщен к числу четырнадцати святых заступников. День поминаения Ахатия — 22 июня.

32 Юлиан — римский император (361—363). Пытался восстановить язычество. Проводил дискриминационную политику по отношению к христианству. За это христианская пропаганда назвала Юлиана «Отступником». Но святые, о которых упоминает Лютер (см. примечания 29—31), были казнены во время правления императоров Диоклетиана и Максимиана, а не Юлиана.

33 Цитата приводится Лютером неточно.

34 Ссылка Лютера неверна. Произвольно приводимая им цитата содержится не в 2 Тим. 4, а в 1 Тим. 4.

35 Рим. 13, 1.

36 Лютер неточно приводит цитату из Мф. 5, 44.

37 Лютер неточно приводит цитату из Мф. 5, 33—37.

38 Пс. 62, 12.

39 Цитируемый отрывок содержится в Мф. 16, 18.

40 Цитата приводится Лютером неточно.

41 1 Пет. 4, 11.

42 В 1485 г. произошел раздел дома Веттинов на две династии: Альбертинов и Эрнестинов. В относящееся к повествованию Лютера время первую династию представлял ярый противник Реформации герцог Георг Саксонский, вторую — покровитель Лютера, курфюрст Фридрих Мудрый. Резиденцией герцога был Лейпциг, а курфюрста — Виттенберг. В рассматриваемом тексте порицается исходивший от герцога Георга Саксонского запрет лютеровского перевода Нового Завета.

43 Чемерица — многолетняя луговая трава. В древнем мире и в средние века применялась как средство против психических болезней.

44 Цитируемый отрывок содержится не в 10-й, а в 1-й главе Деян.

45 Цитируемый отрывок содержится не в 1-й, а в 17-й главе Иер.

46 Ср.: Augustinus contra Htteras Petiliani 2, 184 // Migne J. P. Patrologia Latina. Т. 43. Р. 315: «Ad fidem quidem nullus est cogendus invitus».

47 Лютер имеет в виду преследование христиан в Римской империи.

48 1 Пет. 2, 13.

49 Рим. 13, 6—7.

50 Рим. 13, 3.

51 1 Пет. 2, 13.

52 Пс. 113, 24.

53 Цитата из Быт. 1, 26 приводится Лютером неточно.

54 Цитируемый отрывок содержится не в 4-й, а в 5-й главе Деян.

55 Имеется в виду марка Бранденбург.

56 Ирод Великий (73—4 до н. э.) — царь Иудеи (40—4 до н. э.), сторонник Рима. Согласно Мф. 2, узнав о рождении Иисуса, Ирод решил погубить Его. Иосиф и Мария с младенцем вынуждены были бежать в Египет. В действительности же к тому времени, когда, согласно Евангелию, родился Иисус, Ирод уже умер.

57 Ирония по поводу малоэффективных мер по борьбе с турецкой опасностью, предпринимавшихся в Германии.

58 Пс. 106. 40: «Он изливает бесчестие на князей...»

59 Contemptus (лат.) — незначительный, ничтожный, презренный.

60 Цитата приводится Лютером не дословно.

61 Цитата приводится Лютером неточно.

62 Лютер соединяет в одной фразе содержание 8—10 стихов Лк. 14.

63 Цитата приводится Лютером неточно.

64 Еккл. 10, 16.

65 См. прим. 40 к произведению «К христианскому дворянству немецкой нации...»

66 Иосафат — царь Иудейский, о котором рассказывается в 3 Цар. 22.

67 Эта цитата содержится не в 8-й, а в 3-й главе Ин.

68 2 Цар. 15—17.

69 3 Цар. 2.

70 3 Цар. 2, 5—6.

71 Карл Бургундский — Карл Смелый, граф Шароле (1433—1477), бургундский герцог с 1467. Боролся за политическую независимость Бургундского герцогства. Погиб в битве при Нанси (1477).

72 De sermone domini in monte secundum Matthaeum. Lib. 1, cap. 16 (50) // Migne J. P. Patrologia Latina. Т. 34. Р. 1254.

Источник: Мартин Лютер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. «АНДРЕЕВ И СОГЛАСИЕ», СПб, 1994. С. 131-163

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)